

Н.С.Зубарев
НАЦИОНАЛЬНАЯ ГОРДОСТЬ
КАК МЕДИАТОР ДОВЕРИЯ
ПРЕЗИДЕНТУ
Случай России

Никита Сергеевич Зубарев — приглашенный преподаватель департамента политологии и международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, стажер-исследователь Лаборатории сравнительных социальных исследований им. Рональда Франклина Инглхорта. Для связи с автором: nzubarev@hse.ru.

Аннотация. Благодаря чему лидеры недемократических государств сохраняют поддержку со стороны населения? Одно из наиболее популярных в современной политической науке объяснений предполагает, что жители недемократических стран голосуют за инкубентов и в целом позитивно относятся к ним, поскольку те обладают максимальным доступом к ресурсам, которые потенциально могут быть направлены на улучшение жизни населения. Однако такая объяснительная модель оставляет за скобками экспрессивную составляющую политического поведения. Между тем граждане авторитарных стран могут искренне солидаризоваться с действующими правителями. Этот аспект проблемы раскрывает теория социальной идентичности, предлагающая альтернативные объяснения механизмов политической поддержки.

Национальная идентичность как одна из форм социальной идентичности формирует ожидания, нормы и паттерны поведения, которые ассоциируются с идеей образцового представителя нации. Специфика авторитарных государств подталкивает граждан к такому поведению и таким установкам, которые способствуют поддержанию status quo. Более того, поскольку обычному человеку зачастую бывает сложно рационально оценить реальную работу правительства и корректно атрибутировать ответственность за социальные, политические и экономические результаты, принимая решение о том, какого политика поддержать, избиратели склонны использовать когнитивные «обходные пути», отталкиваясь от собственной удовлетворенности жизнью.

В статье выдвигается гипотеза, согласно которой национальная гордость играет роль медиатора между субъективным благополучием и уровнем

политической поддержки (операционализированным через доверие президенту). Тестирование этой гипотезы на основе опросных данных показало, что медиационный эффект гордости за свою нацию действительно присутствует, однако носит частичный характер. Результаты проведенного автором анализа свидетельствуют о том, что субъективное благополучие позитивно сказывается на поддержке инкумбента как через усиление национальной гордости, так и само по себе.

Ключевые слова: национальная гордость, политическая поддержка, субъективное благополучие, политическое поведение

Введение

¹ См., напр. Engström 2014; Будрайтскис 2020; Shcherbak 2022.

² Laruelle 2009: 153.

³ Fiorina 1976.

Многие ученые, изучающие постсоветскую Россию, говорят о произошедшем в ней консервативном повороте¹. Одним из важнейших его элементов является повышение роли национализма в символической политике властей. Активно создаются так называемые исторические парки (музеи), в которых российская история изображается как история единого сообщества с общими ценностями. De facto превращенный в главный государственный праздник День Победы, по сути, трансформировался в инструмент возвеличивания россиян. Как полагает Марлен Ларуэль, в сегодняшней России национализм стал средством оправдания сложившегося социального и политического порядка, которое используется для поддержания status quo и формирования консенсуса между гражданами и политической элитой². В этих условиях логично предположить, что патриотически настроенные россияне должны более позитивно относиться к действующему режиму, ведь недемократическая среда смешивает понятия страны и государства, а также государства и правящих в нем элит, которые представляют себя гарантами самого дальнейшего его существования.

Наиболее популярное в современной политической науке объяснение трендов политической поддержки в авторитарных государствах исходит из теории рационального выбора. Согласно одной из гипотез, жители недемократических стран продолжают голосовать за инкумбентов, поскольку те обладают максимальным доступом к ресурсам, которые потенциально могут быть направлены на улучшение жизни населения. Однако такая объяснительная модель оставляет за скобками экспрессивный аспект электорального (и, шире, политического) поведения³. Между тем граждане авторитарных стран могут искренне стремиться выразить солидарность с действующими правителями, подчеркнуть свою идентичность и взгляды. Эту сторону проблемы рассматривает теория социальной идентичности, предлагающая альтернативные объяснения механизмов политической поддержки.

В настоящей статье предпринята попытка раскрыть и проанализировать связь политической поддержки с национальной идентичностью на примере доверия президенту, где национальная гордость выступает медиатором между субъективным благополучием и доверием.

И хотя в основу исследования положен исключительно российский материал, оно позволяет прояснить функционирование политической поддержки не только в России, но и в авторитарных режимах в целом.

**Социальная
идентичность
как драйвер
политической
поддержки**

Фиксируя роль социального контекста в формировании поведенческих и мировоззренческих установок людей, теория социальной идентичности дает ключ к пониманию того, как принадлежность к социальным группам влияет на поведение и взгляды их членов.

Основы теории социальной идентичности были заложены еще в 1970-е годы в работах Генри Тэджфела и Джона Тёрнера⁴. Ранние исследования в области социальной психологии продемонстрировали, что уже само по себе разделение людей на группы посредством присвоения им соответствующего ярлыка является достаточным стимулом для предпочтения собственной группы. В свою очередь угроза со стороны «чужих» активизирует это предпочтение, о чем свидетельствует, в частности, так называемый эффект объединения вокруг флага (rally 'round the flag effect), или эффект сплочения, когда мощный внешний шок вызывает резкий рост поддержки национального лидера (правительства) и одобрения его деятельности⁵.

⁴ См., напр. Tajfel and Turner 1979.

⁵ Coser 1956.
См. также Alexseev and Hale 2016; Frye 2019.

Важным шагом в развитии теории социальной идентичности стало осознание того, что категории, к которым люди приписывают друг друга, не имеют ясно обозначенных границ. Отдельные качества могут сделать человека более или менее типичным членом определенной группы. Следствием данного заключения стал вывод о том, что социальная идентичность может предполагать идеальный (прототипичный) набор характеристик или модель поведения, описывающую наиболее типичного члена группы. Соотнесение себя с данным образцом — часть формирования социальной идентичности. Флюидность как свойство последней проявляется в том, что содержание социальной идентичности задается контекстом, в зависимости от которого прототипичная модель поведения меняет наполнение⁶.

⁶ Huddy 2001.

Итак, два ключевых элемента теории социальной идентичности — это, во-первых, категоризация как процесс определения границ между «своими» и «чужими» и, во-вторых, фаворитизм в отношении всего связанного со своей группой и отторжение того, что считается «чужим». Каким образом данные свойства социальной идентичности могут отразиться на действиях индивидов? Ориентация на прототипичного члена группы предполагает изменение самовосприятия, взглядов и поступков. Все существование людей определяется групповыми нормами, которые «предписывают контекстуально специфичные установки и поведение, приемлемые для членов группы»⁷. При этом эффект норм проявляется только там, где задающая их идентичность имеет значение. (Например, идентичность американца как избирателя-республиканца едва ли будет детерминировать его поведение там, где никто не слышал о «партии Рейгана».) Кроме того, согласно теории социальной

⁷ Terry, Hogg, and White 2000: 72.

идентичности, групповые нормы сказываются преимущественно на тех, чья идентификация с группой особенно сильна. Следование стандартам группы проистекает из того, что люди склонны согласовывать свои поступки с установками (которые, напомним, формирует социальная идентичность) тогда, когда «нормативный климат»⁸ поощряет соответствующее поведение как нечто важное для членов группы.

⁸ *Ibid.*: 74.

Идентификация с национальным сообществом является одной из форм социальной идентичности. Для нее, как и для других социальных идентичностей, критична контекстуальность: важность нации в глазах людей во многом зависит от ситуации. То же касается и влияния национальной идентичности на поведение и установки людей, которые могут варьировать в зависимости от значимости данного типа идентичности в конкретный промежуток времени в конкретном страновом контексте⁹. При формировании собственной системы ценностей и моделей поведения люди с сильной национальной идентичностью ориентируются на прототипичного представителя своей нации. Социально одобряемые установки и действия в разных странах могут существенно различаться. В одних странах поощряются свобода, индивидуализм и гражданский активизм, а в других — традиционные гендерные роли, уважение к авторитету и религиозность. Поэтому идеальные ценностные и поведенческие модели у представителей разных наций могут заметно отличаться друг от друга. Так, в США, где политическое участие позиционируется в качестве позитивного личного качества, граждане с сильной национальной идентичностью чаще принимают участие в выборах¹⁰.

⁹ *Huddy 2016*.

¹⁰ *Huddy and Khatib 2007*: 63—77.

Влияние национальной идентичности на поведение людей, естественно, не может не ощущаться и в сфере политики. Согласно одной из популярных в рамках теории рационального выбора моделей электорального поведения, известной как ретроспективное голосование, «для того чтобы принять дальновидное решение, избиратели рассматривают информацию о работе правительства в прошлом»¹¹. Но, поскольку обычному человеку зачастую бывает сложно рационально оценить эту работу и корректно атрибутировать ответственность за социальные, политические и экономические результаты, при оценке политиков он склонен полагаться на когнитивные и психологические «обходные пути»¹². Данная логика просматривается не только в электоральном поведении, но и при формировании политической поддержки в целом.

¹¹ *Healy and Malhotra 2013*: 286.

¹² *Ibid.*: 288.

Описанные выше характеристики национальной идентичности позволяют прогнозировать вполне определенное ее влияние на установки и поведение россиян. Как форма социальной идентичности идентификация с нацией (операционализируемая через национальную гордость) сопряжена с наличием модели «образцового» члена общества, которым в современном российском контексте выступает лояльный гражданин, поддерживающий status quo. В связи с этим моя первая гипотеза звучит так:

Н1: Национальная гордость положительно связана с доверием президенту России.

Учитывая «иррациональность» оценки гражданами работы политиков, можно высказать предположение о медиационной роли национальной идентичности (гордости) в формировании политической поддержки (см. рис. 1). Соответствующий механизм можно описать следующим образом. Избиратели оценивают собственное благополучие через уровень доходов, здоровье, счастье. В зависимости от характера этой оценки, она может оказать позитивное или негативное влияние на отношение к своей нации. Высокая оценка повысит основания для идентификации с нацией и гордости за нее; низкая породит искушение списать вину за личные неурядицы на положение дел в национальном сообществе, к которому человек принадлежит. В свою очередь результатом наличия/отсутствия у избирателя повода для гордости за национальное сообщество станет наличие/отсутствие у него стимула поддерживать политические институты и лидеров, репрезентирующих данное сообщество. Исходя из этого, можно сформулировать вторую гипотезу:

Н2: Национальная гордость играет роль медиатора между субъективным благополучием и доверием президенту России. Рост субъективного благополучия положительно связан с национальной гордостью, усиление которой со своей стороны ведет к повышению доверия президенту.

Рисунок 1 Медиационный эффект национальной идентичности при формировании политической поддержки

Данные и методы

При проверке сформулированных выше гипотез я опирался на опросные данные, полученные Институтом сравнительных социальных исследований в январе 2019 — июле 2020 г. Опрос проводился в 60 регионах РФ с использованием метода телефонных интервью САТИ по случайной вероятностной выборке. Всего было опрошено 18768 респондентов. После исключения респондентов с пропущенными ответами размер выборки составил 13 353 человека.

Зависимая переменная. Доверие к президенту измерялось через ответы на вопрос: «Насколько Вы доверяете президенту России?». Варианты ответа: «Совсем не доверяю» (1), «Не очень доверяю» (2), «В некоторой степени доверяю» (3), «Полностью доверяю» (4).

Независимая переменная. Субъективное благополучие было операционализировано через индекс, объединивший две переменных: уровень счастья и уровень удовлетворенности жизнью. Индекс рассчитывался как среднее между этими переменными. При их измерении использовались следующие вопросы:

- «Говоря в целом, можете ли Вы сказать, что Вы...» Варианты ответа: «Совсем не счастливы» (1); «Не очень счастливы» (2); «Довольно счастливы» (3); «Очень счастливы» (4).
- «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?» Варианты ответа¹³: «Совершенно не удовлетворен» (1); «Полностью удовлетворен» (5).

¹³ В данном случае использовалась 5-бальная шкала, из которой во внимание принимались только первая и последняя позиции.

¹⁴ Ответ «Я не россиянин» при анализе не учитывался.

¹⁵ Mishler and Rose 2005.

¹⁶ Zmerli and Castillo 2015.

¹⁷ Catterberg and Moreno 2006.

Для измерения **переменной-медиатора** использовались ответы на вопрос: «Насколько Вы гордитесь тем, что Вы россиянин?» Варианты ответа: «Совсем не горжусь» (1); «Не очень горжусь» (2); «Скорее горжусь, чем нет» (3); «Очень горжусь» (4)¹⁴.

В роли **контрольных переменных** выступали: генерализованное доверие¹⁵; местные дела (оценка социально-экономической ситуации в регионе); восприятие неравенства¹⁶; субъективный доход¹⁷; возраст. Вопросы, использованные для измерения контрольных переменных, отражены в *табл. 1*. Общая описательная статистика приведена в *табл. 2*.

При исследовании был задействован метод медиационного анализа с помощью бинарной логистической регрессии. Для достижения результатов использовалась следующая бинарная логит-модель:

$$\text{политическая поддержка} = \alpha_0 + \alpha_1(\text{индекс субъективного благополучия}) + \alpha_2(\text{национальная гордость}) + \alpha_3(\text{местные дела}) + \alpha_4(\text{генерализованное доверие}) + \alpha_5(\text{восприятие неравенства}) + \alpha_6(\text{субъективный доход}) + \alpha_7(\text{возраст}) + \varepsilon_1$$

Результаты

Начну с результатов описательного анализа. На *рис. 2* представлено соотношение национальной гордости и доверия президенту на разных уровнях субъективного благополучия. Колонки графика отражают долю доверяющих и не доверяющих президенту для каждого варианта пересечения индекса субъективного благополучия и национальной гордости. Цифры на осях соответствуют кодировке, описанной в *табл. 2*. Часть статистики, стоящей за *рис. 2*, приведена в *табл. 3*. В каждой ячейке указано количество респондентов, относящихся к той или иной

Таблица 1 Вопросы, использованные для измерения контрольных переменных

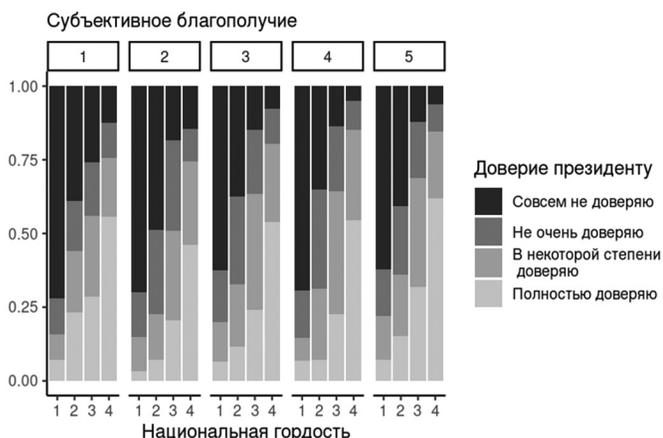
<i>Переменная</i>	<i>Вопрос</i>	<i>Варианты ответа</i>
Генерализованное доверие	Вы считаете, что большинству людей можно доверять или нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми?	Нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми (1) Большинству людей можно доверять (2)
Местные дела	Как Вы считаете, в целом дела в нашем регионе идут в правильном или в неправильном направлении?	В неправильном направлении (1) В правильном направлении (2)
Восприятие неравенства	Насколько остро в нашем регионе стоит проблема неравенства — расслоения общества по доходам и материальному достатку?	Практически незаметна (1) Не очень остро (2) Довольно остро (3) Крайне остро (4)
Субъективный доход	Уровень дохода Вашей семьи в настоящее время...	Очень трудно жить на такой доход (1) Довольно трудно жить на такой доход (2) Дохода в принципе хватает (3) Живу, не испытывая материальных затруднений (4)
Возраст	Абсолютное значение возраста респондента	

Таблица 2 Описательная статистика используемых переменных

Переменная	Категории	Средняя	sd	Min	Max
Национальная гордость	0 — объединяет варианты ответа «Не очень горжусь» и «Совершенно не горжусь»	0,87	0,34	0	1
	1 — объединяет варианты ответа «Очень горжусь» и «Скорее горжусь, чем нет»				
Удовлетворенность жизнью	1 — Совершенно не удовлетворен	3,82	1,03	1	5
	5 — Полностью удовлетворен				
Счастье	1 — Совершенно не счастлив	2,92	0,65	1	4
	2 — Не очень счастлив				
	3 — Довольно счастлив				
	4 — Очень счастлив				
Индекс (счастье + удовлетворенность)	-	3,82	1,03	1	5
Доверие президенту	0 — объединяет варианты ответа «Не очень доверяю» и «Совершенно не доверяю»	0,71	0,45	0	1
	1 — объединяет варианты ответа «В некоторой степени доверяю» и «Полностью доверяю»				
	2 — В неправильном направлении				
Местные дела	1 — В неправильном направлении	1,58	0,49	1	2
	2 — В правильном направлении				
Генерализованное доверие	1 — Нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми	1,26	0,44	1	2
	2 — Большинство людей можно доверять				
Восприятие неравенства	1 — Практически незаметна	2,57	1,02	1	4
	2 — Не очень остро				
	3 — Довольно остро				
	4 — Крайне остро				
Возраст	-	45,25	16,2	18	95
Субъективный доход	1 — Очень трудно жить на такой доход	2,29	0,9	1	4
	2 — Довольно трудно жить на такой доход				
	3 — Дохода в принципе хватает				
	4 — Живу, не испытывая материальных затруднений				

группе, и их пропорция от общего числа респондентов. Как график, так и таблица фиксируют явный тренд: россияне с выраженным чувством национальной гордости более склонны доверять президенту. Данная тенденция характерна для всех уровней субъективного благополучия.

Рисунок 2 Соотношение национальной гордости и доверия президенту на разных уровнях субъективного благополучия

Таблица 3 Доверие президенту и национальная гордость

Доверие президенту	Национальная гордость			
	Совсем не горжусь	Не очень горжусь	Скорее горжусь, чем нет	Очень горжусь
Не очень доверяю	445 (0,033)	337 (0,025)	254 (0,019)	132 (0,010)
В некоторой степени доверяю	462 (0,035)	710 (0,053)	1280 (0,096)	820 (0,061)
Полностью доверяю	562 (0,042)	849 (0,064)	2181 (0,163)	4728 (0,354)
N	1862	1991	3782	5718

Логистическая регрессионная модель демонстрирует статистически значимый эффект всех включенных в анализ переменных (см. табл. 4). Рост субъективного благополучия коррелирует с ростом политической поддержки, то же относится и к национальной гордости. Более позитивный взгляд на положение дел в регионе, где проживает респондент, может повысить его доверие к главе государства, восприя-

тие неравенства как высокого имеет противоположный эффект. С большей вероятностью будут доверять президенту представители старших поколений, а также люди с более высоким доходом и те, кто склонен доверять окружающим.

Таблица 4 Результаты регрессионного анализа

	<i>Доверие президенту (0; 1)</i>
Индекс субъективного благополучия	0,083*** (0,022)
Национальная гордость	1,881*** (0,062)
Местные дела	1,183*** (0,045)
Генерализованное доверие	0,120* (0,053)
Восприятие неравенства	-0,186*** (0,023)
Возраст	0,028*** (0,001)
Субъективный доход	0,224*** (0,025)
Наблюдения	13353

Уровни значимости: 0 ‘***’; 0,001 ‘**’; 0,01 ‘*’; в скобках приведены стандартные ошибки

Результаты медиационного анализа отражены на *рис. 3*. Влияние субъективного благополучия на доверие президенту частично опосредовано уровнем национальной гордости, то есть обнаружена частичная медиация, подразумевающая наличие взаимосвязи не только между медиатором и зависимой переменной, но и между независимой и зависимой переменными. Регрессионные коэффициенты между субъективным благополучием и доверием президенту и между национальной гордостью и доверием президенту статистически значимы. Размер косвенного эффекта — 0,026. Значимость этого эффекта протестирована с помощью метода бутстрэп. Нестандартизированный не прямой эффект бутстрэп составил 0,026; 95% доверительный интервал варьирует от 0,007 до 0,04. Таким образом, можно сделать вывод о статистической значимости косвенного влияния субъективного благополучия на доверие президенту ($p = 0,004$).

Рисунок 3 Медиационный эффект национальной идентичности при формировании политической поддержки

Заключение

Проведенное исследование расширяет наше понимание функционирования политической поддержки в недемократических государствах, демонстрируя важность таких социально-психологических факторов, как национальная гордость и субъективное благополучие. Помимо подтверждения позитивной связи национальной гордости и доверия президенту, оно указывает на наличие частичного медиационного эффекта гордости за свою нацию. Результаты анализа позволяют говорить о том, что субъективное благополучие подпитывает национальную гордость, которая в свою очередь повышает доверие к президенту.

Вместе с тем у полученных выводов есть определенные ограничения.

Во-первых, медиация строится на допущении о причинно-следственной связи и временной дистанции между переменными. Стандартная регрессия *a priori* устанавливает, какая из переменных является причиной, а какая следствием. Более гибкую аналитическую рамку могло бы обеспечить обращение к технике моделирования структурных уравнений, позволяющей учесть «причинно-следственные связи в предполагаемом процессе медиации, одновременность косвенных и прямых эффектов, а также двоякую роль медиатора, который выступает и как причина результата, и как следствие вмешательства»¹⁸.

Во-вторых, социальная психология политической поддержки не сводится к проблеме идентичности. За последние несколько лет появился ряд работ, посвященных анализу эмоций и Большой пятёрки личностных черт как факторов, задающих динамику поддержки в авторитарных государствах¹⁹. В частности, исследователи говорят об интроверсии как о потенциальном механизме защиты от индоктринации в Китае и дружелюбности (неконфликтности) как черте, поощряющей конформизм. Но, несмотря на определенное продвижение в данном направлении, многое остается на уровне гипотез — например, связь между интроверсией и оппозиционными взглядами или между степенью состязательности недемократического режима и вероятностью социальной изоляции вследствие выражения таковых. Все эти вопросы

¹⁸ Gunzler et al. 2013: 391.

¹⁹ Greene and Robertson 2017, 2022; Truex 2022.

нуждаются в изучении. Остро ощущается также нехватка комплексных сравнительных исследований в данной сфере. Однако решение этих задач — дело будущего.

Библиография

Будрайтскис И. (2020) *Мир, который построил Хантингтон и в котором живем все мы: Парадоксы консервативного поворота в России*. М.: Изд-во книжного магазина «Циолковский».

Alexseev M.A. and H.E.Hale. (2016) «Rallying 'Round the Leader More Than the Flag: Changes in Russian Nationalist Public Opinion 2013–14» // Kolstø P. and H.Blakkisrud, eds. *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–2015*. Edinburgh: Edinburgh University Press: 192–220.

Catterberg G. and A.Moreno. (2006) «The Individual Bases of Political Trust: Trends in New and Established Democracies» // *International Journal of Public Opinion Research*, vol. 18, no. 1: 31–48.

Coser I.A. (1956) *The Functions of Social Conflict*. New York: Free Press.

Engström M. (2014) «Contemporary Russian Messianism and New Russian Foreign Policy» // *Contemporary Security Policy*, vol. 35, no. 3: 356–379.

Fiorina M.P. (1976) «The Voting Decision: Instrumental and Expressive Aspects» // *The Journal of Politics*, vol. 38, no. 2: 390–413.

Frye T. (2019) «Economic Sanctions and Public Opinion: Survey Experiments from Russia» // *Comparative Political Studies*, vol. 52, no. 7: 967–994.

Greene S.A. and G.Robertson. (2017) «Agreeable Authoritarians: Personality and Politics in Contemporary Russia» // *Comparative Political Studies*, vol. 50, no. 13: 1802–1834.

Greene S.A. and G.Robertson. (2020) «Affect and Autocracy: Emotions and Attitudes in Russia after Crimea» // *Perspectives on Politics*, vol. 20, no. 1: 38–52.

Gunzler D., T.Chen, P.Wu, and H.Zhang. (2013) «Introduction to Mediation Analysis with Structural Equation Modeling» // *Shanghai Archives of Psychiatry*, vol. 25, no. 6: 390–394.

Healy A. and N.Malhotra. (2013) «Retrospective Voting Reconsidered» // *Annual Review of Political Science*, vol. 16, no. 1: 285–306.

Huddy L. (2001) «From Social to Political Identity: A Critical Examination of Social Identity Theory» // *Political Psychology*, vol. 22, no. 1: 127–156.

Huddy L. (2016) «Unifying National Identity Research: Interdisciplinary Perspectives» // Grimm J., L.Huddy, P.Schmidt, and J. Seethaler, eds. *Dynamics of National Identity: Media and Societal Factors of What We Are*. London: Routledge: 9–21.

Huddy L. and N.Khatib. (2007) «American Patriotism, National Identity, and Political Involvement» // *American Journal of Political Science*, vol. 51, no. 1: 63–77.

Laruelle M. (2009) *In the Name of the Nation: Nationalism and Politics in Contemporary Russia*. New York: Palgrave Macmillan.

Mishler W. and R.Rose. (2005) «What Are the Political Consequences of Trust? A Test of Cultural and Institutional Theories in Russia» // *Comparative Political Studies*, vol. 38, no. 9: 1050—1078.

Shcherbak A. (2022) «Russia's „Conservative Turn“ after 2012: Evidence from the European Social Survey» // *East European Politics*, vol. 6: 1—26.

Tajfel H. and J.C.Turner. (1979) «An Integrative Theory of Intergroup Conflict» // Austin W.G. and S.Worchel, eds. *The Social Psychology of Intergroup Relations: The Role of Norms and Group Membership*. Monterey (CA): Brooks/Cole: 33—47.

Terry D.J., M.A.Hogg, and K.M.White. (2000) «Attitude-Behavior Relations: Social Identity and Group Membership» // Terry D.J. and M.A.Hogg, eds. *Attitudes, Behavior, and Social Context: The Role of Norms and Group Membership*. Mahwah (NJ): Lawrence Erlbaum Associates Publishers: 67—93.

Truex R. (2022) «Political Discontent in China Is Associated with Isolating Personality Traits» // *The Journal of Politics*, vol. 84, no. 4: 2172—2187.

Zmerli S. and J.C.Castillo. (2015) «Income Inequality, Distributive Fairness and Political Trust in Latin America» // *Social Science Research*, vol. 52, no. 2: 179—192.

N.S.Zubarev

NATIONAL PRIDE AS MEDIATOR OF TRUST IN PRESIDENT CASE OF RUSSIA

Nikita S. Zubarev — Invited Lecturer at the Department of Political Science and International Affairs, HSE University (St Petersburg), Research Assistant at Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research. Email: nzubarev@hse.ru.

Abstract. How do leaders of non-democratic states retain support of the population? One of the most popular explanations in the modern Political Science suggests that people in non-democratic countries vote for incumbents and generally have a positive attitude towards them, because the latter possess maximum access to resources that can potentially be directed to improve the lives of the people. However, such an explanatory model leaves out the ex-

pressive component of political behavior. Meanwhile, citizens of authoritarian countries can sincerely express solidarity with the current rulers. The theory of social identity reveals this side of the problem, offering alternative explanations for the mechanisms of political support.

National identity as one of the forms of social identity shapes expectations, norms and patterns of behavior that are associated with the idea of a perfect representative of the nation. The specific characteristics of authoritarian states nudge citizens towards behavior and attitudes that contribute to maintaining the status quo. Moreover, since it is often difficult for an average person to rationally assess the actual performance of government and correctly attribute responsibility for social, political, and economic outcomes when deciding which politician to support, voters tend to use cognitive “shortcuts” based on their own satisfaction with life. The article proposes a hypothesis that national pride plays the role of a mediator between subjective well-being and the level of political support (operationalized via trust in president). The author tested this hypothesis using survey data and revealed that the mediation effect of pride for the nation is indeed present, however, it is partial. The results of the analysis indicate that subjective well-being has a positive effect on the support of the incumbent, both directly and through an increased national pride.

Keywords: national pride, political support, subjective well-being, political behavior

References

- Alexseev M.A. and H.E.Hale. (2016) “Rallying ’Round the Leader More Than the Flag: Changes in Russian Nationalist Public Opinion 2013–14” // Kolstø P. and H.Blakkisrud, eds. *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–2015*. Edinburgh: Edinburgh University Press: 192–220.
- Budraitskis I. (2020) *Mir, kotoryj postroil Khantington i v kotorom zhivem vse my: Paradoksy konservativnogo povorota v Rossii* [The World That Huntington Built and in Which We All Live: The Paradoxes of the Conservative Turn in Russia]. Moscow: Izd-vo knizhnogo magazina “Tsiolkovskij”. (In Russ.)
- Catterberg G. and A.Moreno. (2006) “The Individual Bases of Political Trust: Trends in New and Established Democracies” // *International Journal of Public Opinion Research*, vol. 18, no. 1: 31–48.
- Coser I.A. (1956) *The Functions of Social Conflict*. New York: Free Press.
- Engström M. (2014) “Contemporary Russian Messianism and New Russian Foreign Policy” // *Contemporary Security Policy*, vol. 35, no. 3: 356–379.
- Fiorina M.P. (1976) “The Voting Decision: Instrumental and Expressive Aspects” // *The Journal of Politics*, vol. 38, no. 2: 390–413.
- Frye T. (2019) “Economic Sanctions and Public Opinion: Survey Experiments from Russia” // *Comparative Political Studies*, vol. 52, no. 7: 967–994.

Greene S.A. and G.Robertson. (2017) "Agreeable Authoritarians: Personality and Politics in Contemporary Russia" // *Comparative Political Studies*, vol. 50, no. 13: 1802—1834.

Greene S.A. and G.Robertson. (2020) "Affect and Autocracy: Emotions and Attitudes in Russia after Crimea" // *Perspectives on Politics*, vol. 20, no. 1: 38—52.

Gunzler D., T.Chen, P.Wu, and H.Zhang. (2013) "Introduction to Mediation Analysis with Structural Equation Modeling" // *Shanghai Archives of Psychiatry*, vol. 25, no. 6: 390—394.

Healy A. and N.Malhotra. (2013) "Retrospective Voting Reconsidered" // *Annual Review of Political Science*, vol. 16, no. 1: 285—306.

Huddy L. (2001) "From Social to Political Identity: A Critical Examination of Social Identity Theory" // *Political Psychology*, vol. 22, no. 1: 127—156.

Huddy L. (2016) "Unifying National Identity Research: Interdisciplinary Perspectives" // Grimm J., L.Huddy, P.Schmidt, and J. Seethaler, eds. *Dynamics of National Identity: Media and Societal Factors of What We Are*. London: Routledge: 9—21.

Huddy L. and N.Khatib. (2007) "American Patriotism, National Identity, and Political Involvement" // *American Journal of Political Science*, vol. 51, no. 1: 63—77.

Laruelle M. (2009) *In the Name of the Nation: Nationalism and Politics in Contemporary Russia*. New York: Palgrave Macmillan.

Mishler W. and R.Rose. (2005) "What Are the Political Consequences of Trust? A Test of Cultural and Institutional Theories in Russia" // *Comparative Political Studies*, vol. 38, no. 9: 1050—1078.

Shcherbak A. (2022) "Russia's „Conservative Turn“ after 2012: Evidence from the European Social Survey" // *East European Politics*, vol. 6: 1—26.

Tajfel H. and J.C.Turner. (1979) "An Integrative Theory of Intergroup Conflict" // Austin W.G. and S.Worchel, eds. *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Monterey (CA): Brooks/Cole: 33—47.

Terry D.J., M.A.Hogg, and K.M.White. (2000) "Attitude-Behavior Relations: Social Identity and Group Membership" // Terry D.J. and M.A.Hogg, eds. *Attitudes, Behavior, and Social Context: The Role of Norms and Group Membership*. Mahwah (NJ): Lawrence Erlbaum Associates Publishers: 67—93.

Truex R. (2022) "Political Discontent in China Is Associated with Isolating Personality Traits" // *The Journal of Politics*, vol. 84, no. 4: 2172—2187.

Zmerli S. and J.C.Castillo. (2015) "Income Inequality, Distributive Fairness and Political Trust in Latin America" // *Social Science Research*, vol. 52, no. 2: 179—192.